

Как Санька не стал генералом

Alexander Kaplan (Александр Каплан)
Johns Hopkins University, Baltimore, MD, 21218, USA
alexander.kaplan@jhu.edu

Памяти моей мамы, Анны Ароновны Каплан

Ну конечно же, с его фамилией и «пятым пунктом» Санька генералом никогда бы не стал, а вот стать офицером-электронщиком неожиданный шанс у него вроде бы появился. Правда, опять же, уж очень у него был лоб «медный», как потом оказалось, может и стал бы генералом, кто его знает... Но не стал; да и офицером тоже.

Дело было так. Десятый (он же последний) класс школы застал его в Новокуйбышевске, небольшом тогда городке, построенном вокруг нефтеперегонного завода, километрах в сорока от Куйбышева, бывшей (и нынешней) Самары. Отец его был военный инженер-электрик, офицер; его часто переводили с места на места, и он переезжал вместе с семьей, а Куйбышев стал его последним военным назначением. Квартиру им дали в Новокуйбышевске, и не сразу, так что Саньку пока подселили к чьей-то семье, чтобы он проучился хотя бы последний класс в одной школе. На самом деле ему это было все равно – физику и математику он знал далеко за пределами школьной программы, что стало очевидным его новым учителям сразу же, и проблем у него ни с кем не было. В городке было три школы, и к весне им всем было известно кто самый сильный ученик в городе. Эта слава его мало трогала, он знал свои силы и возможности, но она послужила начальной точкой в последующей истории.

Где-то в середине весны, на уроке, кажется, истории, дверь в классе распахнулась под бесцеремонной рукой, и на пороге появился офицер в майорских погонах, выглаженном кителе и сверкающих сапогах. Не обращая внимание на учительницу, которая пыталась что-то пискнуть, он отрубил командным голосом, «Кто здесь Каплан?» Санька встал – «Я здесь Каплан...». Он не боялся военных, а уж тем более майора, у него самого отец был подполковником... (Дурак он был, естественно, и еще не знал, что не всегда в звездочках дело...). Майор махнул рукой, «Давай выйдем». В коридоре он кратко и дельно изложил ситуацию и диспозицию. Он был оказываться районным военкомом, то есть человеком кто, среди прочих вещей, отвечал за призыв в армию. К нему недавно пришла редкая разрядка на одного кандидата в военную академию имени Буденного, которая в тот момент была уже академией связи. Технические военные академии были тогда почти полными аналогами соответствующих «гражданских» инженерных вузов.

Набирали в них в основном людей из армии – младших и даже средних офицеров; однако были и в армии здоровые головы, которые хотели чтобы туда попадали и сильные выпускники обычных средних школ --- немного, и желательно из военных семей. Так и оказалась у военкома одна разрядка. Заполнить ее казалось нетрудно. Саньке он объяснил – «тут так: ты лучший среди всех школ в районе; и отец у тебя – офицер, инженер, да еще бывший фронтовик; тебе и честь, значит, единственный от нашего района!» Не сказал он лишь одну маленькую вещь – Санькина фамилия и «пятый пункт» не больно шились с военными академиями; был это 1955 год, «усатый» только пару лет назад отдал концы, и как там было наверху, неясно... Впрочем, в России, что дождь, что снег, 5-ый пункт никогда не был любимцем ни у властей, ни внизу. Но был майор тертым мужиком, и вполне возможно знал расклад – его дело была «поставить товар», а политика была делом начальства самой академии, пусть они и разбираются, а он нашел кандидата и умыл руки... К тому же, академия связи, может кто-то втихую и не был против; мозги все-таки... Майор сказал, что снова придет через несколько дней, чтобы отвести Саньку на медицинскую комиссию.

Саньку армия никогда не прельщала, но быть «избранным» было лестно; он с гордостью рассказал об этом дома (они уже жили все вместе в выданной отцу квартире). Отец отнесся к новости с большим энтузиазмом, и произнес целую речь о славных традициях инженерных войск. Мать посмотрела на них обоих горестными глазами, и, не сказав ни слова, ушла на кухню греметь посудой. Спустя неделю майор-военком появился в школе снова и увез Саньку на потертом джипе в местную поликлинику-больничку. Все её врачи были, натурально, офицерами запаса, и как отработку своих «запасных» обязанностей осматривали тех кто был вызван на призыв, ну а за компанию – и Саньку.

Первой при его осмотре оказалась врачиха-офтальмолог – глазник, по- простому. Она проверила остроту его зрения – все здесь было в порядке (Санька прекрасно стрелял из малокалиберки, и мог видеть пробойну от своей собственной пули на 25 метров), но неожиданная проблема возникла с цветовым зрением: Санька оказался дальтоником, т. е. плохо различал цвета. В специальной книжке с цветовыми картинками он смог описать только две-три первые картинки (скажем с темно-красным рисунком на светло-синем фоне), но когда пошли цветовые нюансы, он полностью потерялся. Тоже мне проблема, подумал он; но врачихин диагноз был оказывается запретительным для его будущей офицерской карьеры. Позвав военкома в свой кабинетик, она ему сказала об этом. Реакция того была быстрая и решительная. Он выставил Саньку за дверь, и оттуда Санька услышал что-то вроде раскатов грома, после чего дверь распахнулась, и решительным жестом военком зазвал его обратно в кабинет. Сам военком сел на стул напротив врачихи, и угрожающим взглядом молча уставился в стенку над её головой. Она снова открыла свою цветовую книжку посередине, и не глядя

Саньке в глаза, спросила его тусклым голосом, «мальчик, видишь ли ты здесь маленький серый квадратик на бледно-синем фоне в левом верхнем углу?» Санька с энтузиазмом ответил «да!»; ему все было ясно. Так продолжалось еще несколько минут; игра была простая, и закончилась «правильным» диагнозом в его обходном списке. После этого они с военкомом прошли еще несколько кабинетов и обследований безо всяких проблем (в детстве Санька многим чем переболел, но к 10-му классу все выровнялось). Однако на всякий случай военком при осмотре уже и не выходил из очередного кабинета.

Так они добрались наконец и до последнего – это был кабинет главврача поликлиники, он же и главхирург по общей хирургии, доктор Гинзбург, начальник мед-комиссии. Тот хмуро посмотрел на военкома, уверенно устроившегося на стуле у двери, и велел Саньке раздеться. После долгого ощупывания и обстукивания Саньки, бормоча при этом иногда, «нет, что-то тут не так» – для себя, но так чтобы было слышно и слегка встревожившемуся военкому – его наконец что-то осенило, и он велел Саньке встать босыми ступнями в таз с водой. Тот с готовностью встал и даже пошевелил там пальцами ног, изображая полное внимание и сотрудничество. Хирург скомандовал – «а теперь, выйди из таза и пройди несколько шагов». Пожалуйста, не жалко; Санька пошлепал по полу, пока не раздался торжествующий выкрик хирурга, «Стоп! Я так и знал -- здесь что-то не так! У него плоскостопие на левой ноге!» По тону его голоса военкому стало, видимо, ясно, что заключение о годности к военной службе будет отрицательным. Он взвился – «доктор, да вы что?! При чем здесь плоскостопие?! Он же идет в академию связи! Там и занятый строем почти нет!» Доктор Гинзбург наконец повернулся к нему и отрезал совершенно жестким военным тоном (сам, небось, служил когда-то или войну прошел...) – «Ты что, майор, хочешь чтобы я подмахнул тебе направление в столичную академию на заведомо нестроевой материал?! Ты знаешь чем это пахнет?!... И кстати, я уже слышал, как ты выдавливал из моих врачей поддельные заключения – ты что, хочешь чтобы я этому дал ход?!» Майор вскочил, чтобы дать отпор зарвавшемуся медику – не больно он его боялся, по-видимому, – но что-то его вдруг остановило. Ничего так и не сказав, он повернулся и со сжатой челюстью вышел из кабинета, хлопнув дверью так, что стекла в окне задребезжали. Тут даже и Саньке было понятно, не бином Ньютона – случись что-то с майором, а еще пуще с его женой или ребенком – куда он пойдет? -- да к тому же доктору Гинзбургу, лучшему (и практически единственному) хирургу в городке...

Через пару минут медсестра, помогавшая главврачу, ушла, и кабинет опустел, остались только Санька, натягивавший обратно свою одежду, и сам хирург, заканчивавший писать свое заключение. Что-то было повидимому написано на Санькином лице; увидев это, доктор Гинзбург похлопал его по спине своей широченной хирургической лапой, и сказал – «Умный ты мальчик, Каплан,

умный, но -- дура-а-а-к... Ничего, подрастешь, меня благодарить будешь...»

Прав был доктор Гинзбург, о чем разговор; вспоминал его Санька с благодарностью, и не раз. Ну, а в то лето, он уехал в Москву и поступил в Московский Физико-Технический Институт, только что начинавший становиться знаменитым Физтех. А потом было много чего; он кончил Физтех, работал и защитил кандидатскую, писал статьи и книги, стал диссидентом, был выдворен за это из лаборатории, работал на стройках по всей стране в летних «шабашках», и в конце концов уехал в Америку, где опять же продолжал заниматься своей наукой и многим чем еще.

А тогда, уже к окончанию Физтеха, он разобрался по клочкам информации, кто стоял за крахом его великой военной карьеры. Это была его мама; она была умнее всех в их семье. Поняв, что говорить с сыном и мужем о степени их глупости не имело смысла, и зная, что Саньке надо будет пройти мед-комиссию, она пошла к главврачу Гинзбургу и рассказала ему все, что вот, ее сын – будущий большой ученый (как мама верила в это!...), а муж – инженер и сам ученый, но оба – круглые идиоты, а мальчика-дурака так жалко; ведь ясно, что будет с ним в армии... Врач оказался умным и доброжелательным мужиком, и не из пугливых, и согласился помочь.

Уже после института Санька столкнулся пару раз с бывшими выпускниками академии им. Буденного, и услышал от них ее «народное» прозвище – они ее звали «конно-электронная»...